

Рубен Ашрафян

Тайное поручение

Незадолго до открытия пушкинской мемориальной доски на здании бывшего Ришельевского лицея сидели мы с моим другом Краеведом за столиком в заведении неподалеку и умеренно выпивали.

– Скажи мне, Краевед, – спросил я ехидным голосом, – что, по твоему, Пушкин мог делать в Ришельевском лицее?

– Как это, что? Общался с лицеистами. Об этом существуют свидетельства... – и он перечислил мне ряд известных и не известных мне фамилий.

– Это понятно. Но к кому он туда приходил? Ясно же, что без разрешения ни о каком общении с лицеистами, по крайней мере в самом лицее, учебном заведении закрытого типа, речи быть не могло. Опять же, зачем Александру Сергеевичу понадобилось заходить к малолеткам? Ну зашел один раз из любопытства – и довольно, между тем видели его там неоднократно.

– Да я тебе приведу двадцать причин, по которым Пушкин мог бывать в Ришельевском лицее, – с горячностью ответил Краевед.

– Например?

– Например, Пушкин заходил в лицей кого-либо навестить...

– Правильно, – согласился я, – и у меня есть на этот счет убедительная версия...

Дело в том, что несколько лет назад ко мне попала любопытная икона «Рождество Иисуса Христа», на которой в превосходной академической манере изображена сцена поклонения пастухов. Довольно распространенный сюжет, известен еще с раннехристианских времен, чему подтверждением росписи в катакомбах Св. Себастиана в Риме, позже неоднократно использовался художниками Возрождения.

Однако мое внимание привлек, во-первых, микроскопический шрифт надписи, сделанной на русском языке, где имя Иисус написано с одной буквой «i», как в светской литературе начале XIX века, а «Христос» – и вовсе с маленькой буквы. А во-вторых, загадочный белый четырехугольник, исходящий из облака на заднем плане. Сия геометрическая фигура по смыслу должна означать Божественное послание. Если же учесть, что параллельно ей расположены родившийся Христос и ягненок со связанными ногами, то получаем классическую триаду: послание – посланник – жертва.

Справедливо полагая, что икона может иметь отношение к масонам и, в частности, к ложе «Умиравший сфинкс», которую возглавлял в начале XIX века вице-президент петербургской Академии художеств А.Ф. Лабзин, а в состав входили такие живописцы, как Левицкий и Боровиковский, я приступил к детальному ее изучению. Оказалось, что икона буквально наполнена масонской символикой.

Прежде всего, вместо обычно изображаемых трех пришедших поклониться Христу пастухов, по аналогии с тремя волхвами здесь четыре взрослые фигуры и еще мальчик (к слову, сложная фигура мальчика говорит о высоком мастерстве живописца). Очевидно, пастухи символизируют четырех евангелистов и Иоанна Крестителя, день памяти которого является одним из двух главных масонских праздников. Второй праздник – День Иоанна Богослова, изображенного в виде молодого человека (самый младший среди апостолов), склонившегося над Христом в розенкрейцерском приветствии высокого градуса посвящения: со скрещенными на груди руками. Напомню, что большинство российских масонских лож в то время были розенкрейцерского толка, как тогда говорили, мартинистскими. «Умиравший сфинкс» – не исключение.

Далее. Характернейшей деталью является изображение краеугольного камня, на который опирается своим посохом Иосиф, муж Марии. Краеугольный камень, обычно находящийся ниже уровня пола, – важный атрибут любого масонского храма. Что же касается самого Иосифа, то как человека, обладающего мастерством и инструментами, его считают одним из прародителей современного масонства. На оборотной стороне доски вырезана владельческая подпись «Феофил», крестик поверх которой означает,

что икона некогда принадлежала духовному лицу. Личность же этого духовного лица прелюбопытна.

В недавно изданной «Энциклопедии духовенства Одесской (Херсонской) епархии» упоминается иеромонах Феофил (Фиников), переведенный в 1818 году из Петербурга на должность законоучителя Ришельевского лицея, иными словами – проректора по воспитательной работе. В то время Феофил состоял в упомянутой ложе «Умирающий сфинкс». Дело в том, что для некоторых ритуалов высоких градусов розенкрейцерам необходим был священнослужитель. А.Ф. Лабзин даже сетовал, что, переехав в Одессу, тот вынужден был прервать отношения с братьями. Представьте мое удивление, когда среди членов ложи я обнаружил и Сергея Львовича Пушкина, отца великого поэта. Оказывается, Сергей Львович являлся известнейшим в Петербурге масоном (если, конечно, слово «известнейший» уместно в данном случае). В конце концов он даже стал стуартом – правда, уже другой розенкрейцерской ложи. Вполне вероятно, что, воспользовавшись пребыванием сына в Одессе, Сергей Львович передал через него весточку своему старому знакомому. По крайней мере это обстоятельство может объяснить посещения Пушкиным Ришельевского лицея. Других преподавателей Пушкин знать не мог – все они происходили из Полтавы, Харькова или же прибыли с Запада Украины, не считая аббата Николая, разумеется.

К сказанному добавлю, что о. Феофил (Фиников) был человеком незаурядным. Происходя, судя по фамилии, полученной лишь в семинарии, из низших слоев общества, а может, будучи крещеным евреем, он сделал впечатляющую карьеру, окончив свои дни в епископском сане. Еще в юношеском возрасте он попал под влияние московского митрополита Платона (Левшина), отличавшегося широтой взглядов и благосклонным отношением к масонам – розенкрейцерам. Недаром же Феофил заставлял несчастных лицеистов заучивать наизусть «Катехизис», написанный учителем. Малейшее неповиновение каралось ударом указки по рукам... К слову, нерадивых греков, воспитанников лицея, Феофил частенько обзывал пиндосами, не исключено, что обидное словечко, об этимологии которого теперь много спорят, придумано лично им. С другой же стороны, Феофил оказывал финансовую поддержку «гетеристам».

Прибыв в Одессу, он вел себя с подчеркнутой скромностью, почти аскетично: жил при лицее в тесной комнатухе, похожей на келию. Однако, пообжившись и став архимандритом, перестал отказывать себе в маленьких удовольствиях: переехал в просторные апартаменты, стал носить черную атласную рясу с голубым подбоем, турецкого шелка подрясник и туфли с золотыми пряжками. Конечно же, пользовался немалой популярностью у дам, в основном купеческих жenuшек, которых регулярно возил на Фонтан в открытом экипаже. Современники подозревали разные непристойности, однако этим поездкам существует объяснение: Феофил принимал деятельное участие в обустройстве Свято-Успенского мужского монастыря на Большом Фонтане, и денежки купчих были отнюдь не лишними.

Столь известный интеллектуал, щеголь и, к тому же, дамский угодник, не мог не привлечь внимания Пушкина. Отчего же Александр Сергеевич никогда не упоминал о знакомстве? Видимо, был связан масонской клятвой, а кроме того, не желал навлекать беду на отца и его приятеля, поскольку в последние годы правления Александра II масоны в России подвергались преследованиям, которые продолжились и во времена Николая I.

Архимандрит Феофил (Фиников), впрочем, не смог избежать неприятностей и за свое масонское прошлое был сослан в 1825 году в исправительный Борисоглебский монастырь...

Краевед выслушал меня внимательно, а потом заявил, что эта история высосана из пальца и нуждается в тщательном обосновании и проверке в архивах. Я же всегда полагаю и до сих пор полагаю, что история такова, каковой мы ее себе представляем, и наши представления имеют вес куда больший, чем свидетельства давно умерших очевидцев...

Несмотря на это, мы с моим другом чокнулись и продолжали умеренно выпивать.

